

эта есть, есть какая то цель, которая дает ему силы жить и писать, и которая оправдывает его существование, как человека, и как поэта. Об этом лучше всего говорит он сам в своем последнем стихотворении:

Нет! Не о славе мы хлопочем,
И что уж тут, да где уж там!...
Нельзя молчать — наш день
короче,
Быстрее клонится к гробам.

Мы дел потомству не оставим, —
Позором кончился турнир, —
Но песнь «о подвигах, о славе»,
Воспоминая бросить в мир, —

Великолепная задача!
Имперским воздухом дыша,
Без причитания и плача,
Лускай раскроется душа.

Стихотворение проникнуто большой бодростью и верой. Этой бодростью проникнута и вся книга, не смотря на большую трагичность и тем, и слов, которыми об этой трагедии говорится. И закрываешь книгу с чувством глубокого удовлетворения, как от разговора со здоровым и сильным человеком, который знает о чем пишет и для чего живет.

И. Бек.

«РУССКИЕ ПОЭТЫ». Издательство «Русских поэтов» выпустило, в короткий срок, ряд приятно оформленных книжек и обещает в ближайшем будущем пополнение серии. Мы горячо приветствуем это большое дело, столь явно бездоходное в переживаемые нами тяжкие для литературных начинаний годы.

Чем объяснить падение спроса на русские книги — равнодушие, стоящее на грани насмешки, когда рядовому эмигранту предлагают ту или иную книгу и, в особенности, сборник стихов?

Препятствий к распространению книги много, некоторые из них преодолимы, и это несмотря на то, что хорошая книга сейчас нужнее человеку, утратившему всякую устойчивость, чем когда бы то ни было.

Растущая бедность эмиграции, конечно, одно из этих неустранимых препятствий, но, увы, далеко не главное. Малодоступность книги нельзя не признать, и тут никакие вздохи не помогут. Но вот, если мы спросим себя — так же ли легко отказывается соотечественник от других своих потребностей, как от книги, то на этот вопрос придется ответить отрицательно. В праздничный день посещение ресторанов, кинематографа, балов вошло у многих в привычку. Экономия в повседневном быту, люди крепко держатся за эти развлечения, которые обходятся несравненно дороже книги. И вот это — печально!

Равнодушие к русской книге, которая для многих представителей этого типа была когда-то духовной необходимости, есть неоспоримое доказательство культурного падения.

Курьезная деталь: эти отщепенцы обычно громче всех кричат о своей приверженности ко всему национальному, мнят себя наследниками русского духовного достояния, не замечая того, что они уже глухи к голосу русской мысли. В семьях такого рода вы обычно найдете, на одинокой полке, запыленные томики Пушкина: казенная дань патротизму, — а на стульях и на столе — зачитанные сначала детьми, а затем и родителями, французские журнальчики для юношества. Приключения Микея уже вполне удовлетворяют «духовные» потребности этих людей.

Пусть эти замечания не покажутся желчным насмешкой: жизнь эмигранта тяжела и от него нельзя требовать многого, но как, все же, военная такая быстрая сдача позиций

Заграницей обнаружилась наша культурная неустойчивость.

Но, может быть, в исчезновении читателя виноват и писатель?

Конечно, и в значительной степени.

Заграницей вышло немало русских книг, но «продукция» эта была, зачастую, катастрофически недоброка-
чественна. На такую книгу нельзя ожидать спроса, нельзя удивляться недоверию читателя. Но ведь выходят и прекрасные книги, а между тем, и они мало читаемы. Тут приходится кивнуть на наших критиков, в осо-
бенности на, так называемых, «от-
ветственных, руководящих». Их от-
зывы, их рекомендации кажутся ино-
гда просто необъяснимыми. Это осо-
бенно поражает, когда рецензии эти одобрительно подкрепляются цитата-
ми, от которых у человека сторон-
него остается чувство, скажем, пе-
чального недоумения. Между тем, критики эти — люди ярко талантли-
вые, обладатели тонкого вкуса и не-
заурядного ума. Чем же руководятся они, вводя читателя в заблуждение, отваживая его от книги?

Вторая книжка стихов В. Смолен-
ского не кажется мне шагом вперед
в творчестве этого одаренного поэ-
та. Новые ноты звучат только в пье-
сах завершающих сборник — в сти-
хах о России. Но их еще рано ка-
саться. Автор, как будто бы, еще не
нашел нужного подхода к теме. Сти-
хи эти похожи на этюды — подождем
большого полотна.

Эти общие замечания не надо понимать, как разочарование, тем более осуждение. Стихи Смоленского, сотканные из прекрасного словесного материала, доставляют радость, хо-
лодную радость, как лицезрение мертвого лунного пейзажа, безнадеж-
ного, но употребительного. Кокетливость его книги, которую точнее можно
бы назвать — «Иаедиане с обожате-

лем», оправдана. Можно ли устоять перед очарованием таких строк? —

«Огромный мир общий мглой и
сном,

Где ни начала, ни конца не зная,
Мы, задыхаясь в тесноте, живем,
О счастья и бессмертия мечтая.

Он скуден, тленен и неразрушим.
Закрой глаза — есть мир иной над
ним.

В котором ты — полночная звезда,
Застывшая в сияньи и молчаньи,
В котором я — прозрачная вода,
В которой отражается сиянье.

Над миром этим — мир совсем иной,
Совсем прозрачный и совсем про-
стой».

Магия стихов тут особенно рази-
тельна, — тяжеловесное, в ином со-
четании, троекратное повторение сло-
ва «который» не только не ослабляет
его, но усиливает впечатление.

Или —
«Что надо знать, как надо жить,
Чтоб слов чудесным сочетаньем,
Чтоб звука тайного эзвучаньем,
Одним огнем, одним дыханьем
Тебя с собой соединить?...
Что надо знать, как надо жить!».

Разве здесь не проявляется вся за-
клиниательная сила слова?

К сожалению, я не могу переобре-
менять эти страницы цитатами, кото-
рые еще и еще раз доказали бы
дружбу поэта со стихией русского
слова.

В чем же разгадка остановки твор-
ческого развития, застигшей поэта
на высоком уровне, до которого не-
многим из наших русских современ-
ников удастся подняться, но все же,
несомненной и печальной? — Мне
незачем заниматься гаданиями. Поэт
сам сознает омертвление своей ду-

ши, а вместе с икою и дара. Он говорит —

«Разбрасывать и собирать слова,
Уже почти без смысла и значенья,
Уже без страсти и без вдохновенья,
Уже без боли и без торжества.

И почерком разборчивым вписать
В тетрадь еще пять, шесть коротких
строчек,
И не забыть ни запятых, ни точек.
Перечитать и отложить тетрадь.

Изнемогая в медленной борьбе,
Где победить и незачем и нечем,
Все больше горбить скорбленные
плечи,
Все равнодушней думать о себе

И о других. Так, продолжая жить
Уже с полуоткрытыми глазами,
Почти непогрешимыми словами
Научишься о жизни говорить».

Что к этому можно прибавить? —
Одно: Смоленского губит, подтачивает мысль о смерти, являющейся его основной темой. Взор его направлен в небытие и, если он и видит там многое, недоступное нашему зрению, то тут — на нашей земле — по-вседневное сознание обреченностии пресекает его голос.

Книга З. Гиппиус, собрание стихотворений-миниатюр — заключенных, выверенных, ювелирных миров — «сияний».

Эта поздняя книжка — чудесная победа духа — в чем-то сходствует с таким же необыкновенным эпиким цветением Тютчева. И там и здесь присутствует острый, искушенный ум, ум, как-то так сочетающийся с чувством, что, обычного у исключительно умных писателей, подсыхания творческой стихии удается избежать. Эти стихи З. Гиппиус отмечены необыкновенной прихотливостью мы-

сли — никогда не удается «сподсказать» автору дальнейшее развитие сюжета. Иногда это даже раздражает, но чаще радует. Поглощая эти страницы, обогащаешься соприкосновением с душой особенной, ничуть на твою не похожей. У «Сияний» есть еще одно и немалое достоинство — четкость и богатство языка. Как хороши, например, эти строки —

«И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от познанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо истить. Не нам отмытье,
Змея сама, свернувшись змея,
В свой собственный вольется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,

Он для себя — себя хранит,
Свою кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает,
Хоть мы простим, и Бог простит».

Перечитавши страницу за страницей, книгу Ю. Тераписю «На ветру» и тебя все время преследует мысль — это на что-то похоже!

Мучительно ощущаешь за многими строчками присутствие зваковых словосочетаний, тени любимых поэтов. Спешу оговориться, стихи Ю. Тераписю отнюдь не перелицовка известных образцов, но, повидимому, отсутствие сильной творческой индивидуальности, воображение бледенное шедеврами нашей и иностранной поэтики, оставляют ему один путь — путь пожизненного ученичества. На этом пути Тераписю преуспевает. Его стихи, исполненные формальных достоинств, читаются с приятностью и пользой. Сознаюсь, они скучноваты, как скучны ответы старательного первого ученика и вообще все то,

что не отмечено печатью оригинальности. Лучше других мне показались стихотворения посвященные французским поэтам.

Посмертно изданная, четвертая книга стихов Бориса Поплавского «Венок из воска» объединяет пьесы зачастую между собой внутренне не связанные. Издатели, повидимому, стремились включить в книгу побольше, расширить наследство поэта. Мысль понятная и почтенная, но, думается, книжка выиграла бы в яркости, — потеряв в объеме. Впечатление некоторой рыхлости, производимое книгой в целом, получаешь и при чтении некоторых включенных в нее стихотворений. Растворительность, нагромождение образов уменьшает ценность каждого из них, физически лишая читающего возможности сосредоточиться. Если же, при этом, среди безусловных находок встречаются и ходульность, фальши, или даже невнятчицы — охватывает недоверие. Поэт и читатель становятся друг другу неправдиво чужды.

К счастью, отмеченное явление не всегда имеет место и Поплавский — верный себе — причудливый и капризный, восторженно-скептический, эротический или детски прозрачный (как часто у него, на жизненном празднике, мелькают детские лица!), овладевает мыслию и слухом, как мало кто из современников.

— Что вы читаете?

— «На Западе» — стихи Адамовича.

— Как, разве он и поэт? — Такими репликами мне пришлось, в последнее время, не раз обмениваться. И как печально, что дело обстоит так!

Георгий Адамович-поэт, мало кому знаком.

Все знают литературного критика Адамовича.

«На Западе» — книга исключитель-

ная по своей напряженности и лаконической выразительности. Ни одно слово не позволяет себе поэт; он всегда охотнее промолчит, чем скажет лишнее. Некоторые стихотворения напоминают химические формулы — названы и дозированы элементы, реакция должна пронаблюдать уже в сознании читателя.

Вот пример:

«Один сказал: «Нам этой жизни мал».

Другой сказал: «Недостижима цель». А женщина привычно и устало, Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели, Так умолкали, — каждый раз нежней, —

Как будто ангелы ей с неба пели И о любви беседовали с ней».

И когда поэт выражает надежду, что —

«...может в старости тебе настанет срок

Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,

Растерянно твердил на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли

По странам и морям тоскующей земли»,

то читатель ему отвечает, что строки эти уже произнесены. Так чувствовал я, читая Георгия Адамовича; спасибо, что так чувствовали и другие.

Есть в этой книге одно стихотворение, на которое все мое — читательское — сознание ответило безоговорочно. В нем выражена для меня, за меня и так, как я сам не способен выразить, целая эпоха моей жизни, сложный и, казалось бы, неподдающийся клубок чувств. Прочти его однажды, в обстановке затруднительно-

шней восприятие, я запомнил его раз памягда, чего со мной не бывает обычно. Не то чтобы даже запомнил, а оно стало моим, оказалось тем источником в самопониманию, который я сам тщетно пытался выковать. Мало того, для меня облегчилось появление Адамовича. Как будто приподнялась завеса ревниво разделяющая сознания. Беспощадная правдивость большого искусства, ничего общего не имеющего с декламацией, открыла за строчками живое и страдающее человеческое лицо. Я поймал себя на том, что читая эти стихи, шептал про себя: «Да... Так... А, вот что? — Ну, конечно! Да и как же иначе!».

Чтение обратилось в дружеский, глубоко-интимный разговор. И это, несмотря на сдержанность этих строк, несмотря на холодок усталого и скептического сознания поэта. Я не стану приводить этого стихотворения, потому что мне могут указать, и уже указывали, что есть в книге вещи значительнее, и с этим трудно спорить, но это только укрепляет во мне чувство восхищения: не только за меня, но и других, Г. Адамович умеет чувствовать и говорить.

Третья книжка стихов Александра Гингера, шестой выпуск серии «Русских поэтов», «Жалоба и торжество», соседствует, в порядке выхода, с Г. Адамовичем. Какой контраст!

У Гингера все — изврочность, жестокое столкновение звуков, совершенное отсутствие чувства языка, «искусства» — по мысли одних, жонглерство — как мне кажется.

Искание — законное право поэта. При всяком новаторстве неизбежны провалы, но они простительны тогда, когда налицо и достижения, удачи, находки. Так глотается горькое лекарство, несущее исцеление; но после озабоченния с «Жалобой и тор-

жеством» естественнее захоронить здоровому.

Невозможно оставаться равнодушным к коверканью, которому подвергает русскую речь Гингер. Если бы у нас существовало Общество Покровительства Родного Слова, оно привлекло бы его к ответственности. К сожалению, слово не имеет защитников. Между тем, это — наше единственное и лучшее достояние и равнодушное молчание — недопустимо.

Привожу для недоверчивого читателя следующие строки из стихотворения «Перстень» —

«И не монмяль рыбьими словами
Изобразить веселые дела;
Как Божий раб куражился над льва-
ми,
Как совесть закусила удила;

Как лещь, сигая по водопроводу,
Рапортовал и плакал вспыхах.
А сонмы туч пошли, шумя про воду,
И дождик пал, и щелком садик пах».

Николай Вадвич

А. Е. ПРЕСНИКОВ. Лекции по русской истории, Т. I и II. Москва 1939.

Имя проф. А. Е. Преснякова, безвременно погибшего в расцвете сил, заслужено стоит на ряду с блестящими именами его старших предшественников, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. За время своей учительной деятельности он подверг тщательному анализу и пересмотрю многие представления о важнейших явлениях русской истории, прочто освещенные в нашей историографии и в программах университетских курсов, хотя они иногда не вполне соответствовали принятой «общной схеме» и системе изложения общерусской истории.

На это несоответствие давно уже обращалось внимание критики, а некоторые, так наз. «левые», ученые